

На правах рукописи

Слугина Виктория Александровна

**Правовое оформление российского подданства
сибирских народов в XVI–XVII вв.: Шертовальные записи
и процедура шертования**

Специальность 07.00.02 Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Новосибирск

2017

Работы выполнена
на кафедре отечественной истории Гуманитарного института
федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Андрей Сергеевич Зуев

Официальные оппоненты:

Людмила Ивановна Шерстова – доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры отечественной истории исторического факультета
Федерального государственного автономного образовательного учреждения
высшего образования «Национальный исследовательский Томский
государственный университет».

Алексей Юрьевич Конев – кандидат исторических наук, заведующий
сектором социальной антропологии структурного подразделения «Институт
проблем освоения Севера» Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального исследовательского центра Тюменского
научного центра Сибирского отделения Российской академии наук.

Ведущая организация:

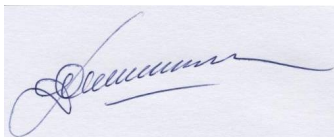
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
российской истории Российской академии наук.

Защита состоится 12.02.2018 г. в 14:30 на заседании диссертационного совета
Д 003.030.01 при федеральном государственном бюджетном учреждении науки
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (ИИ СО
РАН) по адресу г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, каб. 300.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории СО РАН и
на сайте Института истории СО РАН: (<http://www.history.nsc.ru/>)

Автореферат разослан _____

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук

Д. Г. Симонов

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования

Присоединение обширных территорий Сибири, населенных различными этносоциумами нехристианского вероисповедания, является одним из ключевых эпизодов в истории формирования полиэтничного Российского государства.

Проблема установления коммуникации с народами, имеющими разную социально-политическую организацию, религиозные воззрения и хозяйственную деятельность, актуализировала поиск русской властью особых способов конструирования, трансляции и внедрения желаемой политико-экономической парадигмы на новых территориях. Для закрепления властных притязаний московских царей на право владения сибирскими землями вместе с проживающими на них народами требовалось не только расширение русского присутствия в Сибири, выраженного в количестве городов и численности русского населения, но и фактическое вовлечение коренных этносоциумов в политико-правовое поле государства. Важнейшим методом установления в сознании аборигенов Сибири новой политической культуры принадлежности к государству стало шертование – специальная процедура присяги, включавшая в себя устное оглашение текста шертовальной записи (статей, излагающих обязательства подданного) и церемонию обряда, учитывавшего нехристианское вероисповедание присягавшего. Таким образом, без изучения правовой и практической стороны шертования невозможно построить представление об общих имперских механизмах вовлечения разнообразных в этническом и религиозном отношении народов в единое социальное, политическое и правовое пространство Российского государства.

Историография темы исследования представлена работами по четырем проблематикам: административная политика в Сибири в XVII в.; положение отдельного сибирского народа в составе Российского государства; специальный анализ процедур присяг и текстов шертовальных записей; концептуальное осмысление российской колонизационной политики в целом.

Начиная с первых исследователей истории Сибири Г.Ф. Миллера и И.Э. Фишера отдельные вопросы оформления подданства сибирских народов рассматривались как в обобщающих трудах, анализирующих процесс колонизации Сибири в целом, так и в специальных работах, посвященных истории включения отдельного этносоциума в состав Российского государства.

В трудах по истории Сибири, написанных в XVIII–XIX вв., практика шертования упоминалась как незначительный атрибут русской политики в Сибири¹. Исключение составила малоизвестная статья М. Макарова «Древние и новые божбы, клятвы и присяги руския», в которой автор исследовал историю присяг (крестоцелования и шертования) и их функционирование на разных уровнях политической и бытовой деятельности².

Процедура шертования выделилась в качестве специального предмета исследования только во второй четверти XX в. благодаря работам С.В. Бахрушина. Историк выявил несколько церемоний присяг, использовавшихся енисейскими кыргызами и якутами, а также объяснил возможные причины складывания подобных процедур. Ему удалось, анализируя шертовальные записи, вписать их в исторический контекст, уделив особое внимание культурному уровню и обычаям присягнувшей стороны, а также событиям, предшествовавшим и сопутствовавшим принятию шертовальных обязательств. Однако концептуальное осмысление подданства народов Сибири проводилось С.В. Бахрушиным через призму экономических отношений: по его мнению, базовым признаком подданства являлся платеж ясака, а шертование было лишь одним из инструментов включения новых подданных – иноземцев – в систему ясачного обложения³. Акцент на

¹ См., например: *Буцинский П.Н.* Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 1. С. 298; *Кулеиов В.А.* Наказы сибирским воеводам в XVII веке: Исторический очерк. Болград, 1894. С.104–106.

² *Макаров М.* Древние и новые божбы, клятвы и присяги руския // Труды и летописи общества истории и древностей российских. М., 1828. Ч. 4. Кн. 1. С. 184–228.

³ *Бахрушин С.В.* Ясак в Сибири в XVII в. // Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 49–50, 65–66.

экономических основаниях царской политики в Сибири был характерен в целом и для последующей историографии 1940–1980 х гг.⁴

Проблематика русско-аборигенных отношений в контексте политико-правового закрепления населения Сибири в русском подданстве в отечественной историографии разрабатывалась только в специальных работах, посвященных исследованию положения отдельного этносоциума в составе Московского государства⁵. Так, в работах А.П. Уманского впервые был поставлен вопрос о степени зависимости в XVII в. алтайских телеутов от русской власти. Автор пришел к выводу, что так называемое «подданство» Телеутской земли в XVII в. русскому царю по характеру и форме представляло собой не «холопство» в понимании того времени, не вассалитет в его классических образцах, а военно-политический союз Русского государства и Телеутской земли, скрепленный договором⁶.

Последовательно раскрывает понятие присяги через шертование В.В. Трепавлов⁷. Исследователь полагает, что «начиная со 2-й поло-

⁴ См., например: *Александров В.А.* Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск, 1984. С. 16–18; *Аполлова Н.Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М., 1976. С. 23–24, С. 72, 136–137; *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972. С. 18–21, 46–47, 167–168, 171; *Нефедьева С.П.* Ясачная политика царизма на Чукотке XVII–XIX вв. // Записки Чукот. краевед. музея. Магадан, 1967. Вып. 4. С. 27–32; *Копылов А.Н.* К вопросу о принципе ясачного обложения и порядке сбора ясака в Сибири // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1969. Вып. 1. № 1. С. 60–61, 67.

⁵ См., например: *Иванов В.Н.* Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999. С. 72–73, 95, 108, 183 и др.; *Павлинская Л.Р.* Буряты. Очерки этнической истории (XVII–XIX вв.). СПб., 2008. С. 121, 148, 190; *Уманский А.П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980. С. 20, 71, 109 и др.; *Хамутаев В.А.* Присоединение Бурятии к России: история, право, политика. Улан-Удэ, 2012. С. 46, 55, 70.

⁶ *Уманский А.П.* Телеуты и русские... С. 17–18; *Он же.* Телеуты и их соседи в XVII – первой четверти XVIII века. Барнаул, 1995. С. 125.

⁷ *Трепавлов В.В.* «Шертные» договоры: российский прообраз протектората // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. III Междунар. науч. конф.: Тез. докл. Челябинск, 1995. Ч. 1. С. 28–33; *Он же.* Российское подданство калмыков в ритуалах и символах (из истории этнической политики XVII–XIX вв.) // Вестн. Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 8–19.

вины XVI в., когда у России не осталось соперников в Евразии, шертная грамота фактически стала служить начальной вехой обращения в российское подданство»⁸. Он же обратил внимание на разницу восприятия факта шертования русскими и иноземцами, вызванную несовпадением политической культуры контрагентов⁹.

В сибиреведческих работах последних десяти лет прослеживается интерес как к изучению политических инструментов колонизации, так и к процедуре приведения в подданство (шертованию) в целом. Историк А.Ю. Конев актуализировал вопрос о происхождении шертовальных записей в Сибири, доказал связь шертовальных записей с особой статьей наказов сибирским воеводам – «жалованным словом»¹⁰. В.Н. Иванов определил шертование как действие, регулировавшее правовые обязательства во взаимоотношениях коренных жителей присоединенных земель (прежде всего, народов, не имевших письменности) с властями, указав на связь шертования с нормами обычного права у якутов¹¹.

Помимо специализированных сибиреведческих трудов следует отметить и историко-юридические работы, посвященные тематике подданства в целом. Историки права, изучая вопрос соотношения понятий «гражданство» и «подданство», а также проблему эволюции институтов подданства и гражданства в Российском государстве, практически не затрагивают хронологический период XVI–XVII вв. в отечественной истории¹². Исключением стали работы И.Г. Шауро. Исследования

⁸ *Трепавлов В.В.* «Шертные» договоры: российский прообраз протектората // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. III Междунар. науч. конф.: Тез. докл. Челябинск, 1995. Ч. 1. С. 29–30.

⁹ *Трепавлов В.В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV – XVIII вв. М., 2007. С. 143–144, 158–159.

¹⁰ *Конев А.Ю.* Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI – XVIII вв. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 6. С. 172–177.

¹¹ *Иванов В.Н.* Принятие российского подданства народами Якутии в XVII веке // Якутский архив. № 2. 2009. С. 3–6.

¹² См.: *Гессен В.М.* Подданство. Его установление и прекращение. СПб. 1909. Т. 1. С. 3–5, 130–132; *Кутафин О.Е.* Российское гражданство. М., 2003. С. 94; *Ванюшин Я.Л.* Соотношение гражданства и подданства: Некоторые вопросы теории и практики //

тель пересмотрела сложившуюся в историко-юридической литературе периодизацию института подданства в России и убедительно доказала, что ко второй половине XVI в. подданство не означало феодальную зависимость, а выражало принадлежность к населению страны¹³. Она также исследовала отдельные аспекты подданства: проблему вступления иностранцев в русское подданство¹⁴, связь института русского подданства с присягой в XVI–XVII вв.¹⁵

Для зарубежной историографии характерна обобщенная интерпретация колонизационной политики Российской империи, проблема же подданства сибирских народов в интересующий нас период затрагивается лишь в работах М. Ходарковского и В. Кивельсон. М. Ходарковский связывает шертование с контекстом дарообменных отношений, когда понятие «подданство», с одной стороны, было формальным и зависело от размера подарков, даваемых присягающему, а с другой стороны – реальным, когда московский дипломатический язык, проникавший в политическую среду народов, включаемых в состав империи, запускать процесс непосредственной интеграции иноземцев в политическое пространство Российского государства¹⁶. В. Кивельсон подошла к исследованию российского подданства более фундаментально. В статье «Российское “подданство”: Права без свобо-

Юристь–Правоведь. 2007. № 2. С. 47–51; *Галушкин А.А.* К вопросу о понятиях «гражданство» и «подданство» в их философско-правовом восприятии // Государство и право. 2013. № 11. С. 73–76; *Голобородько А.Ю., Габов А.А.* О соотношении понятий «гражданства» и «подданства» в истории политических учений // Проблемы теории и практики современной науки: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. М., 2016. С. 175–177; *Будяков О.Е.* Генезис концепции гражданства в истории политико-правовой мысли и основные этапы ее развития // Право и управление. XXI век. 2014. № 3. С. 59–65.

¹³ *Шауро И.Г.* Возникновение и развитие института подданства в России в XVI – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2003. С. 11.

¹⁴ *Шауро И.Г.* К вопросу о крещении в православие как способе принятия русского подданства в Московском государстве в XVI–XVII веках // Мир юридической науки. 2011. № 2. С. 49–54.

¹⁵ *Шауро И.Г.* Присяга как один из способов вступления в русское подданство в XVI–XVII веках // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2010. № 3. С. 158–161.

¹⁶ *Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington and Indianapolis, 2002. P. 56–57.

ды» она сравнивает понятие российского «подданства» с современным политико-юридическим понятием «гражданство» и приходит к выводу, что русские были подданными царя, а не гражданами государства. «Подданство», по мнению исследователя, более обширная, объёмная категория, чем «гражданство», она корректнее описывает их статус¹⁷.

Изучение подходов и трактовок в исследовании подданства сибирских народов и политико-правовых механизмов его оформления, присутствующих в историографии, показало неравномерность проработки данной тематики в отношении различных народов Сибири. Если вопрос о статусе кочевых тюркских этносоциумов (калмыков, енисейских киргизов, татар) и разрабатываемых для них шертовальных записях можно признать достаточно изученными, то проблема интерпретации шертования в контексте специального механизма обращения всех сибирских иноземцев в русское подданство так и остается неразрешенной. Не поставлен и сам вопрос о том, что представляло собой «подданство российскому государю» в XVII в. и какова была специфичность подданства «иноземческого» населения, в отличие от православного.

Цель исследования – определение политического, юридического и культурного значения шертования в системе русско-аборигенных отношений. Достижение поставленной цели предполагает решение ряда задач, направленных на выявление:

- функций и значения шертных грамот в дипломатическом и политическом контексте истории Московского государства XV–XVI вв.;
- форм и обстоятельств применения шертовальных записей на начальном этапе присоединения Сибири в конце XV–XVI в.;
- эволюции формуляра шертовальных записей;
- содержания понятия «подданство», выраженного в документальных свидетельствах XVII в.;

¹⁷ Kivelson V. Muscovite “Citizenship”: Rights without Freedom // The Journal of Modern History. 2002. Vol. 74. № 3. P. 465–489; См. также: Кивельсон В. Картография царства: Земля и ее значение в России XVII в. М., 2012. С. 260, 297.

– контекста обращения сибирских народов в «российское подданство», в том числе процедуры шертования и контингента приводимых к шерти-присяге.

Объектом исследования являются политико-правовые аспекты русско-аборигенных отношений – права и обязанности подданного и государства, эксплицированные в процедуре шертования.

Предмет исследования – методы и средства установления подданных отношений, применяемые российской властью к отдельным этносоциумам, что позволит рассмотреть значение шертования в контексте политической и религиозной специфики отдельных народов Сибири и динамики их взаимодействия с русскими.

Территориальные рамки исследования охватывают Сибирь, под которой в соответствии с реалиями изучаемого времени понимается вся территория от Урала до Тихого океана и от Ледовитого океана до азиатских степей, или иначе – та часть Северной Азии, которая в XVII в. оказалась в сфере российской колонизации.

Хронологические рамки исследования – XVI–XVII вв. Выбор нижней границы обусловлен распространением практики шертования народов Сибири, реконструируемой нами по летописным свидетельствам и актовым источникам XVI в. Для освещения вопроса происхождения практики шертования в работе делаются экскурсы в более ранний хронологический период. Верхняя граница – конец XVII в. – обоснована вытеснением понятия «шерть» в значении ‘приведение в подданство’ новыми понятиями «договор» и «присяга на верность», вошедшими в политическую практику в XVIII в. Несмотря на то, что в период с 1701 до 1715 г. в документах еще содержатся упоминания шерти и шертования, нам не удалось выявить образцов шертовальных записей, составленных в XVIII в. Процедура получения подданства неправославными иностранцами становится специальным предметом законодательства Петра I и Елизаветы I: из присяги был исключен религиозный компонент (подтверждение обязательств по вере прися-

гавшего), началась унификация формуляров присяг для различных служащих.

Источниковая база исследования представлена письменными источниками двух родов: документальными и повествовательными (нарративными). Документальные источники представлены несколькими видами: актами; делопроизводственной документацией; законодательными источниками. К нарративным относятся летописи и этнографические описания.

Комплекс документальных источников, освещающих социально-политические аспекты русско-аборигенных отношений XVII в., сформирован на основании документов, выявленных в Российском государственном архиве древних актов (ф. 214, ф. 199, ф. 1177) и в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (ф. 21), а также в опубликованных сборниках документов.

Наибольшую ценность для настоящего исследования представляют публично-частные акты – шертовальные и крестоцеловальные записи – тексты присяг на верность российскому монарху. Ввиду отсутствия источниковедческого исследования шертовальных записей Сибири в данном исследовании реализуется критика образцов шертовальных записей, выявляется эволюция их формуляра и содержания на протяжении XVII в.

Делопроизводственные документы содержат упоминания или пересказы шертовальных записей, а также предписания, определявшие регламент приведения народов Сибири «под высокую государеву руку». В составе делопроизводственных источников выделяется распорядительная, отчетная и учетная документация.

Делопроизводственные документы распорядительного вида представлены наказами сибирским воеводам на занятие должности; наказами о проведении шертования и крестоцелования в сибирских уездах; наказными памятями уездных воевод приказчикам острогов, ясачным сборщикам, командирам землепроходческих отрядов, посвященные отдельным административным вопросам. Данные документы содержат правила взаимодействия с иноземцами как в «типовых» ситуациях

(сбор ясака, подчинение новых территорий, порядок управления острогом / зимовьем и т.п.), так и в специфических случаях (когда требовались решения, соответствовавшие менявшейся обстановке: например, в отношении целесообразности военного похода, принятия особых мер в отношении конкретного этносоциума / отдельного князца).

Отчетный вид делопроизводственной документации представлен отписками представителей сибирской администрации на имя царя (отписки воевод); отписками, расспросными речами и сказками служилых людей и иноземцев. Отчетная документация позволяет реконструировать восприятие устанавливаемых властных отношений с двух позиций: с позиции русской стороны и с позиции иноземцев. Несмотря на многочисленность названных источников, они содержат фрагментарные и противоречивые сведения о процедуре шертования, т.к. приведение к присяге зачастую являлось лишь одной из задач (и часто не самой приоритетной) в деятельности царской администрации.

В работе также анализировались шертовальные книги – разновидность ученой делопроизводственной документации. В шертовальных книгах зафиксированы имена иноземцев, приведенных к присяге, однако, помимо антропонимов, книги наполнены географическими реалиями и описаниями процедурной стороны шертования.

Для сопоставления положений текстов присяг – шертовальных записей – с правовыми нормами Московского государства в настоящем исследовании привлекались акты законодательного памятника – Соборного уложения 1649 г.

Нарративные источники, задействованные в исследовании, представлены летописями и этнографическими описаниями.

Обращение к летописным источникам (Есиповской, Строгановской и Кунгурской летописи) обусловлено проблемой определения нижней границы формирования процедуры шертования / присяги народов Сибири. Самое раннее упоминание шертования содержится в Есиповской летописи, однако в отечественной историографии достоверность этого свидетельства ставится под сомнение.

Этнографические описания, собранные в XVIII–XIX вв., использовались для уточнения некоторых элементов церемонии (обряда) при-

ведения к шерти, сложившейся в разных районах Сибири. В настоящем исследовании мы не затрагиваем содержательную и фактографическую сторону указанных источников, реализуя лишь обобщение упоминаний о шертовании отдельных народов. Рассматривая процедурную часть шертования как обряд – символическое и многократно повторяющееся стереотипное действие, мы предполагаем допустимость экстраполяции свидетельств XVIII и XIX вв. на реалии XVII в. В указанный период нам не удалось выявить каких-либо значимых и документально зафиксированных событий социально-политического характера, которые могли бы кардинально повлиять на смену обрядовой стороны шертования на протяжении XVII–XIX вв.

В целом привлекаемый комплекс источников позволяет реконструировать процедуру приведения в подданство как с точки зрения политико-правового дискурса центральной власти, выраженного в инструктивных документах (наказах), так и с точки зрения реальной практики обращения к процедуре шертования в контексте установления ясачной системы и расширения русского присутствия в Сибири.

Методы и методология работы. В качестве наиболее общего методологического основания принят ситуационный подход (успешно применяемый российским историком А.И. Миллером), который предполагает отказ от преимущественной концентрации на политике царских властей и признает местное население колонизируемого пространства в качестве самостоятельного актора исторического процесса.

Еще одним методологическим основанием являются концептуальные установки историографической школы «истории понятий», изложенные в трудах немецкого историка Р. Козеллека и его последователей. Обращение к «истории понятий» обусловлено объектом исследования и ключевой ролью понятия «шертование», которым обозначалось приведение аборигенного населения в подданство российскому государю в социокультурном контексте XVII в. Для того чтобы корректно определить коннотацию понятия «шертование» и реконструировать социально-политические явления, стоявшие за сло-

воупотреблением, мы используем «историю понятий» в качестве критического метода изучения источников, ориентированного на анализ употребления «политически или социально релевантных терминов и ключевых выражений, обладающих политическим или социальным содержанием» (Р. Козеллек).

На общеисторическом уровне применяется принцип историзма. Использование этого принципа выражается в историко-генетическом подходе к рассмотрению практики «шертования» народов Сибири, опирающемся на культурные образцы, сформированные как в русской, так и в аборигенной среде в предшествующий период, а также в критическом анализе общественно-политических терминов, используемых в источниках.

Кроме того, в работе использовались как общенаучные (анализ, синтез), так и специальные источниковедческие приемы исследования письменных источников (критика источника, формулярный и текстологический анализ), основанные на выводах о задачах и сущности критики исторических источников, которые содержатся в трудах по источниковедению. Специальные приемы – внешняя и внутренняя критика, формулярный и содержательный анализ – применяются в настоящем исследовании для комплексного изучения группы источников, выявления закономерностей в форме и содержании шертовальных записей, проведения классификации и типологизации источников. Специальные источниковедческие приемы позволяют выявить общие закономерности происхождения и эволюции шертовальных записей, что способствует корректному вводу источников в научный оборот. В рамках реализации внутренней критики источника и изучения содержания шертовальных записей применялся историко-юридический анализ – сравнение положений акта с законодательными источниками изучаемого периода (Соборное уложение 1649 г.). Данный метод использовался с целью выявления связи законодательной юридической нормы с юридическими формулами шертовальных записей. В работе также применялся историко-географический анализ топонимов, зафиксированных в шертовальных записях, для реконструкции

перечня территорий, формально включенных в состав Московского государства («своих») и иностранных («чужих», «вражеских»).

Научная новизна исследования заключается в том, что практика шертования впервые рассматривается комплексно, применительно ко всем народам Сибири, вступившим во взаимодействие с русскими на протяжении XVI–XVII вв. Использование ранее не известных архивных источников – шертовальных записей и шертовальных книг – позволило ввести в научный оборот новый актовый материал по истории Сибири. В диссертации проведено специальное источниковедческое исследование: осуществлен формулярный и текстологический анализ, построена типология шертовальных записей, выявлена эволюция формуляра. Указанные результаты открывают возможности для сравнительного изучения шертовальных записей с близкими разновидностями актов (например, крестоцеловальными записями). Пересмотрены некоторые положения отечественной историографии в вопросе учета религиозной специфики сибирских народов при проведении шертования.

Положения, выносимые на защиту:

– К концу XVI в. процедура шертования являлась практикой, апробированной в течение более ста лет, тем не менее использование опыта заключения шертных грамот с правителями тюркских государств – наследников Золотой орды – нельзя назвать прообразом шертования в Сибири. Шертные грамоты второй половины XV – первой половины XVI в. представляли собой форму межгосударственных (международных) договоров, в то время как приведение в подданство народов Сибири во многом опиралось на сложившиеся внутригосударственные практики подтверждения лояльности российскому монарху. Использование шерти в качестве инструмента приведения в российское подданство сибирских народов не являлось адаптацией внешнеполитических принципов установления соглашений к реалиям «сибирского взятия».

– Анализ летописных источников показал, что в XVI в. установление подданства связывалось как с понятием «шерть», так и с понятиями «рота» и «правда», издавна обозначавшими клятву верности и принятие определенных условий и обещаний. При этом формуляр самих шертовальных записей еще не был разработан, и шертование, вероятно, представляло собой лишь определенный процедурный ритуал оформления соглашения с нехристианскими народами. Складывание устойчивой и регламентированной процедуры шертования сибирских иноземцев следует относить к XVII в. и связывать с деятельностью местной администрации и начальников землепроходческих отрядов.

– На протяжении XVII в. шертовальные записи претерпели незначительные формулярные изменения, коррелирующие с развитием формуляра русской присяги (крестоцелования). В содержательном же плане шертовальные записи содержали лишь обязательства присягнувшей стороны, в то время как права определялись текстом «жалованного слова», оглашаемого иноземцам от имени царя представителями русской администрации.

– Шертование выполняло несколько функций: 1) способствовало формированию у сибирских иноземцев представления о своем месте и роли в новой для них политической системе Московского государства: шертование знаменовало переход из категории «немирных» и «неясачных» в категорию «ясачных» – подданных русского царя; 2) подтверждало лояльность новому царю (при вступлении на престол новой царствующей персоны); 3) формализовывало принятие сибирскими иноземцами условий русской стороны в контексте заключения мирных договоров. Такая практика позволяла закрепить в сознании иноземцев неременность устанавливаемых русскими властными отношений.

– Процедура приведения в подданство иноземцев была тесно связана с мотивацией и целью стороны, оглашавшей текст обязательств. Воеводы и командиры отрядов служилых людей адаптировали шертовальные записи к конкретной историко-культурной ситуации. Изменения, вносимые в тексты, могли как смягчать безусловный характер подчинения русской власти (через внесение положений «жалованного

слова», в которых гарантировались некоторые права иноземцев и обещалось военное покровительство), так и, наоборот, ужесточать санкции за нарушение договоренностей.

– В зависимости от места проведения процедуры менялись численность и социальный статус иноземцев, приводимых к присяге. На основании изучения отписок воевод и шертовальных книг XVII в. было выявлено два способа подтверждения шертных обязательств: первый – когда представитель родоплеменной элиты приглашался в острог и давал присягу за себя, своих родственников и подвластных людей, второй – когда присяга давалась ясным населением перед русскими служилыми людьми в улусах. В целом подробная (численная и поименная) фиксация имен отсутствовавших на церемонии шертования иноземцев, а также учет в шертовальных книгах не облагаемых яском категорий мужского населения (подростков, захребетников, стариков) свидетельствует о том, что со второй половины XVII в. сибирская администрация стремилась охватить шертованием максимальное количество человек.

– Как показал анализ свидетельств о ритуале шерты, присяга чаще всего приносилась на русском оружии (при возможном дополнении некоторыми элементами традиционных культов отдельного этносоциума). На основании описаний Г.Ф. Миллера можно предположить, что церемония закреплялась территориально без особого учета этнокультурной специфики, т.е. проводилась одинаково для всех проживающих народов в конкретном уезде.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при написании обобщающих трудов по истории присоединения Сибири, в историко-юридических исследованиях русско-аборигенных отношений, а также в трудах, посвященных проблематике империостроительства в целом. Введенный в научный оборот актовый материал – шертовальные записи – может быть использован как в исторических, так и в историко-юридических исследованиях, посвященных изучению российского подданства и гражданства. Результаты работы могут применяться в сфере высшего

образования при подготовке отдельных разделов учебных курсов по отечественной истории и имперской проблематике.

Апробация результатов исследования. Рукопись диссертации обсуждалась на заседаниях кафедры отечественной истории Гуманитарного института НГУ. Основные положения и выводы исследования были представлены в докладах на 4 международных и 5 всероссийских научных конференциях, а также отражены в 8 научных публикациях, четыре из которых – в рецензируемых научных журналах.

Основное содержание исследования

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, списка сокращений.

Во введении обоснована актуальность темы, проведен анализ историографии, определены цель и задачи исследования, его объект и предмет, территориальные и хронологические рамки, классифицирована и критически охарактеризована источниковая база, описаны основные теоретико-методологические концепции, исторические и источниковедческие приемы и методы, на которые опирается исследование, объяснены основные термины и понятия, используемые в работе, изложены положения, выносимые на защиту, показана научная новизна, практическая значимость и апробация основных результатов исследования.

В первой главе «Шертование и шерть в российском государстве», состоящей из двух параграфов, рассмотрена проблема происхождения практики приведения в российское подданство сибирских народов, типологизированы случаи обращения к процедуре шертования.

В первом параграфе «Понятие “шерть” (“шертные грамоты”) в политическом дискурсе Российского государства в XV–XVI вв.» доказано, что, несмотря на формальную схожесть названия актов (шертные грамоты и шертовальные записи), шертование сибирских народов не являлось адаптацией внешнеполитических принципов взаимодействия (апробированных московскими правителями при сношениях с Казанским, Астраханским, Сибирским ханствами и Ногайской Ордой в XV–XVI вв.) к реалиям русской колонизации Сибири. Шертные грамоты XV–XVI вв. по форме и содержанию являлись межгосударственными договорами, а не присягами.

Шертование как процесс приведения в подданство мог реализоваться в начальный период присоединения Сибири только в качестве обрядовой практики, без опоры на официальные образцы шертопри-

водных записей. Исследование летописных сведений о шертовании народов Сибири привело к выводу, что упоминания о «приведении под высокую государеву руку» равнозначно сочетаются как с понятием «шерть», так и с издавна известными в русской политико-правовой практике понятиями «рота» и «правда», обозначающими установление подданства, клятву верности, подтверждение соглашений и обещаний. Присутствующее в Есиповской летописи изложение текста «шерти Ермака» вследствие наличия ряда анахронизмов и неточностей можно считать поздней вставкой летописца, вероятно, знакомого с шертованием иноземцев в сибирских острогах в XVII в. Наиболее правдоподобной представляется версия Строгановской летописи, где сообщается, что приведение «к шерти» осуществляли сибирские воеводы.

Исходя из этого, складывание устойчивой и регламентированной процедуры шертования сибирских иноземцев, скорее всего, следует относить к XVII в. и связывать с деятельностью местных воевод и начальников землепроходческих отрядов.

Во втором параграфе «Процедуры приведения в российское подданство сибирских народов в XVII в.» шертование анализируется в контексте реализации воеводами, приказчиками острогов и землепроходцами своих функций по управлению территориями и подчинению сибирских иноземцев. Анализ документальных источников показал, что обращение сибирских народов в российское подданство – как формальное (факт проведения процедуры), так и реальное (выраженное в обложении ясаком) – являлось одним из ключевых элементов русской аборигенной политики в Сибири.

Принципы устанавливаемых русской властью правовых отношений с народами Сибири публично транслировались в двух текстах, предназначенных для устного оглашения: «государевом жалованном слове» и шертовальной записи. Сама процедура оформления подданства проводилась в разных условиях и в различных ситуациях. Она осуществлялась, во-первых, при первом контакте иноземцев с русскими землепроходцами – вступление в подданство впервые; во-вторых, при смене царствующей персоны – в качестве пролонгации данных ранее

обязательств новому российскому монарху; в-третьих, при нарушении шерти-присяги, т. е. «измене», выразившейся в отказе от выполнения обязательств подданного.

В зависимости от ситуации менялся контингент иноземцев, приводимых к присяге, варьировались акценты в изложении содержания шертовальной записи и «жалованного слова», включался и исключался компонент подтверждения обязательств с помощью религиозного обряда.

Помимо формальной стороны принятия подданства, русские власти последовательно требовали реального исполнения ряда обязательств, изложенных в тексте присяги: сотрудничество с русскими, платеж ясака, выдача аманатов, отказ от участия в «измене». На уровне конкретной практики стремление утвердить иноземцев в реальном безоговорочном подданстве выражалось, во-первых, в проведении процедур повторного шертования; во-вторых, в практике пролонгации обязательств, данных одному монарху, в отношении его преемника, а также в апелляции русской стороной к обязательствам отца-иноземца в качестве обоснования нахождения в подданстве его сына; в-третьих, в требовании искать и возвращать в подданство изменивших сибирских иноземцев, прежде всего их предводителей – князцов и «лучших людей».

Во второй главе «Анализ формуляров шертовальных записей народов Сибири» реализована внешняя и внутренняя критика комплекса источников – шертовальных записей XVII в.

В первом параграфе «Элементы конкретного формуляра» проведен сравнительный анализ формулярных элементов (штампов) текстов присяг. Выявлены формулярные совпадения в нескольких группах источников, а также уникальные статьи, не имеющие аналогов в данной разновидности актов. Установлено, что конкретный формуляр шертовальных записей XVII в. имеет следующие «разделы»: 1) начальный протокол, состоящий из: а) интитуляции и б) инскрипции; 2) основной протокол, содержащий: а) статьи диспозиции по четырем тематическим блокам – общие положения, регла-

мент действий в отношении врагов российского монарха, военная служба, действия в случае нарушений статей шертовальной записи другими народами, б) подтвердительные статьи и в) санкции – запрещение нарушения положений документа.

Во втором параграфе «Содержание шертовальных записей» анализируются социальные и политико-правовые аспекты и реалии исторической действительности XVII в., зафиксированные в текстах присяг, а также дополнения, вносимые воеводами в тексты шертовальных записей и отражающие актуальный характер русско-аборигенных отношений в конкретном сибирском уезде.

Установлено влияние событий Смутного времени на развитие положений текста присяг: в тексты шертовальных записей включен пункт о запрете призывать правителей других государств для царствования в России. Некоторые обороты и штампы шертовальных записей схожи с формулировками законодательного источника – Соборного уложения 1649 г. (глава «О государьской чести, и как его государское здоровье оберегать»). Включение в шертовальные записи для сибирских иноземцев статей, излагающих перечень нежелательных действий, трактуемых русским законодательством как государственная измена, во-первых, демонстрирует стремление московской власти инкорпорировать народы Сибири в правовое пространство Московского государства, во многом по аналогии с русским (православным) населением, во-вторых, преследует цель транслировать этим народам как основные параметры их нового статуса («под высокой государевой рукой»), так и основные признаки измены «великому государю».

Фиксируемый в шертовальных записях перечень «земель», в которые запрещалось уезжать подданным российского монарха, дает основание определить фактические географические границы распространения его власти. В этот перечень входили как пограничные с Россией европейские державы – «Польша», «Литва», «Немцы», так и азиатские территории – места проживания енисейских киргизов, калмыков, монголов, ногайцев. Переезд в эти земли означал «измену» и выход из юрисдикции Российского государства.

Для обозначения тех, кто открыто выступал против русской власти, в том числе воевал против нее, а также отказывался подчиняться и платить ясак, использовались понятия-маркеры «изменник», «вор», «недруг». Нередко в шертовальных записях и других источниках «изменниками» назывались даже те этносоциумы, которые формально еще не вступили в российское подданство и не были охвачены ясачным обложением. Наименование их «изменниками» явно свидетельствует в пользу того, что русская власть рассматривала их как потенциальных подданных.

В целом шертовальные записи, содержа в себе нормы, универсальные для любого русского подданного, были в значительной мере адаптированы к сибирским реалиям. Формулярные «ультимативные» статьи шертовальных записей дополнялись положениями, направленными на выстраивание регламента взаимодействия сибирских иноземцев с царской администрацией. Коммуникация была необходима русской стороне для того, чтобы узнавать актуальную информацию о соседних территориях, возможных «заговорах» против русских, а также для использования самих иноземцев в качестве «инструмента» приведения в подданство еще не подчиненных народов.

В третьей главе «Процедуры присяги – шертования: социальные и культурные особенности» анализируются документальные свидетельства о социальном статусе и количестве иноземцев, охваченных шертованием, а также о процедурной (обрядовой) стороне присяги.

В первом параграфе «Контингент приводимых к шерти» на основании данных шертовальных книг ряда уездов (Якутского, Томского, Нарымского, Кетского, Красноярского, Кузнецкого, Тобольского) выявляется круг лиц, которых русская власть стремилась охватить шертованием.

При составлении сибирскими воеводами и служилыми людьми шертовальных книг отсутствовало какое-либо единообразие. Например, не всегда указывались низовая административно-территориальная едини-

ца (волость, улус, род), к которой был приписан иноземец и его статус (князец, «лучший» или улусный человек), отсутствовала информация о дате приведения к присяге. В зависимости от конкретных обстоятельств и условий проведения шертования варьировались численность и социальный статус иноземцев, приводимых к присяге. В период подчинения тех или иных сибирских этносоциумов русские власти довольствовались шертованием только их предводителей и «лучших людей», которые присягали не только за себя, но и за все подвластное им население. Если же та или иная этнотерриториальная группа уже длительное время находилась в стабильном подданстве, то русская администрация переходила к массовому шертованию, осуществляемому во время принесения присяги на верность новому монарху. В этом случае каждый взрослый иноземец независимо от своего социального статуса присягал лично за себя и своих малолетних ближайших родственников (индивидуальная шерть). Проведенное сравнение шертовальных и ясачных окладных книг позволило прийти к заключению, что русская власть стремилась охватить шертованием всех взрослых мужчин из числа иноземцев.

В целом на протяжении XVII в. явно прослеживается стремление русской власти установить прямые и личные обязательства каждого ясачного и служилого человека из числа сибирских иноземцев в отношении российского монарха, и, судя по сохранившимся шертовальным книгам и другим делопроизводственным документам, это стремление воплощалось на практике.

Во втором параграфе «Религиозный компонент процедуры шертования» рассматриваются документальные и этнографические свидетельства (Г.Ф. Миллера, Я.И. Линденау, Г. Новицкого, И. Идеса), описывающие церемониальную (обрядовую) сторону проведения присяги у народов Сибири.

Сведения о том, что иноземцы дали «надежную» шерть, встречаются в отписках служилых людей и воевод, однако подробные описания церемониальной стороны в делопроизводственной документации обычно отсутствуют. Предписание приводить в подданство по «пря-

мой шерти», как правило, исполнялось тогда, когда проходило под контролем воеводской администрации.

Особенно щепетильно русские власти стремились соблюсти все положенные обряды во время шертования южносибирских кочевников: телеутов, енисейских кыргызов, монголов, – отношения с которыми сопровождалось как частыми военными столкновениями, так и неоднократными мирными переговорами. При приведении к присяге «вожди» этих народов или уполномоченные ими лица нередко подписывали шертовальные записи.

Церемония шертования, проводимая служилыми людьми в местах проживания иноземцев, во многом зависела от работы толмача и представлений самих служилых людей об «истинной присяге». Этнографические свидетельства позволяют заключить, что процедура шертования складывалась по уездам, преимущественно исходя из представлений русской стороны. Сам обряд содержал явную демонстрацию военной силы (использование принимавшими присягу оружия – сабель, пищалей, пушек) и подчеркивал аспект зависимости от российского государя (принятие присягавшими «государева» хлеба, соли и вина). В церемонию также зачастую включались элементы традиционных культов: у остяков и хантов они были представлены использованием медвежьей шкуры, у якутов – почитанием огня, у южносибирских кочевников – «питьем золота». Мусульмане шертовали на Коране.

В заключении приводятся основные выводы исследования.

Для осуществления стабильного властвования на разраставшейся территории русская власть в течение XVI–XVII вв. осознанно конструировала новый публично-частный дискурс принадлежности индивида к государству, выраженный в определенных правах и обязанностях подданного, с одной стороны, и русского монарха – с другой. Основным методом внедрения в сознание иноземцев-аборигенов Сибири новой для них политической культуры подданства стало шертование – специальная процедура присяги, сложившаяся на основе трансформации нескольких традиционных (и даже архетипичных) инструментов

фиксации правовой связи с государством. Такими инструментами являлись: 1) церемония / обряд присяги; 2) шертовальная запись (перечень обязанностей подданного); 3) «жалованное слово» (декларация прав, даруемых монархом). Системное применение указанных инструментов, сложившееся в XVII в., позволяло достаточно эффективно выстраивать взаимодействие русской власти с этносоциумами Сибири, имеющими различные верования, уровень политико-правовой культуры и, как правило, не обладающими письменностью.

На процесс становления и развития формы сибирской иноземческой присяги оказали влияние традиционные для русской культуры приемы подтверждения публично-частных и частных обязательств, обозначаемых как «правда» и «рота»; присяга православных подданных – крестоцелование; положения «жалованного слова» (текст – обращение царя к подданным); обряды сакрализации обещаний, принятые как у русских, так и у иноземцев.

На начальном этапе присоединения Сибири (конец XVI в.) русские администраторы и казаки-землепроходцы руководствовались лишь своими представлениями о подтверждении лояльности российскому монарху и опирались на знакомые им практики воинских присяг и религиозные обряды шертования (клятвы), в то время как текст присяги и регламент процедуры еще не был формализован.

С начала XVII в. процедура шертования унифицируется, складывается формуляр типовых шертовальных записей. В документах, отправляемых из Москвы сибирским воеводам, четко излагаются меры воздействия на аборигенов для приведения их в российское подданство.

Ключевыми положениями шертовальных записей были обязательства действовать во благо российского государя, оберегать его здоровье, не призывать других правителей на царствование, не организовывать заговоры и походы против русских людей и не участвовать в них, сообщать о готовящихся «изменах» местным воеводам, выступать в военных походах на стороне русских, не уезжать в другие государства и неясачные земли, не общаться с «немирными» соседями, не менять мест своего проживания без согласования с царской администрацией, исправно платить ясак и призывать других иноземцев в

русское подданство. Воеводы могли дополнять или редуцировать положения шертовальной записи, адаптируя их к актуальным историко-культурным реалиям.

В практике подчинения сибирских народов и управления ими сложился устойчивый порядок обращения к процедуре шертования. Иноземцев требовалось приводить к присяге, во-первых, при первом контакте с русскими служилыми людьми (ясачными сборщиками), во-вторых, для подтверждения лояльности и верности новому российскому монарху, в-третьих, в случае нарушения ими обязательств, закрепленных присягой. В зависимости от повода для шертования и места проведения процедуры (в русском остроге или в местах проживания аборигенов) и исполнителя (воевода или служилый человек) менялся численный и социальный состав населения, охваченный шертованием, трансформировалась церемониальная сторона подтверждения присяги.

Обряд шертования народов Сибири не воспроизводил клятвенные ритуалы, практиковавшиеся у сибирских этносоциумов до прихода русских. Несмотря на указания московских чиновников исполнять во время шертования обряды, практикуемые у иноземцев для подтверждения верности данным в присяге обещаниям, процедура приведения в подданство в ее формальном выражении зависела в реальности от сибирских администраторов, служилых людей и толмачей и их представлений о том, какой должна быть «настоящая» присяга – «прямая шерть».

Историческое значение практики шертования заключалось в следующем: с помощью приведения к присяге народы Сибири переходили из категории «чужих», «иностранных», «изменников» в категорию «подданных»; соответственно, и территории их проживания становились собственностью-вотчиной царя (по аналогии с европейской частью России).

Факт развития присяги сибирских иноземцев в тесной связи с практикой крестоцелования – присягой православного населения – свидетельствует о формировании в XVII в. общегосударственного представления о подданстве.

**Основные положения диссертационного исследования
отражены в следующих работах:**

*Статьи в изданиях, включенных в Перечень рецензируемых журналов
и изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки России:*

1. Зуев, А.С., Слугина, В.А. «Служите мне государю своему царю и великому князю Алексею Михайловичю». Русская присяга и шертовальная запись середины XVII в. / А.С. Зуев, В.А. Слугина // Исторический архив. – М., 2011. – № 2. – С. 183–189.
2. Зуев, А.С., Слугина, В.А. Летописные известия о шертовании сибирских народов во время похода Ермака и исторические реалии / А.С. Зуев, В.А. Слугина // Российская история. – М., 2015. № 3. – С. 36–37.
3. Слугина, В.А. Шертоприводные записи как инструмент оформления подданства сибирских народов российскому государю в XVII в. / В.А. Слугина // Вестн. НГУ. Серия: история, филология. – Новосибирск, 2015. – Т. 14. – Вып. 1: История. – С. 58–65.
4. Слугина, В.А. Контингент сибирских иноземцев, присягавших российскому монарху в XVII в. (по данным шертовальных книг) / В.А. Слугина // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. – Новосибирск, 2017. – Т. 16. – Вып. 8: История. – С. 41–47.

Публикации в других изданиях:

5. Слугина, В.А. Подданство народов Сибири российскому государю в XVII в.: сравнительный анализ статей шертоприводных и крестоцеловальных записей / В.А. Слугина // Труды Института российской истории. – М., 2014. Вып. 12. – С. 52–60.
6. Слугина, В.А. Делопроизводственные источники в Сибирских летописях: вопросы датировки шертоприводной записи Ермака / В.А. Слугина // Вестн. Клио: Сб. науч. тр., посвященный 50-летию гуманитарного факультета НГУ / Под ред. Л.Г. Панина, И.С. Кузнецова, О.Г. Щегловой. – Новосибирск : редакционно-издательский центр НГУ, 2014. – Вып. 4. – С. 39–43.